
Раскол
-
Первая
Мировая
Анатолий Шигапов

Анатолий Шигапов

Раскол - Первая Мировая

https://litres.ru/74712863
SelfPub; 2026

Аннотация

Война сделала их врагами. Жизнь — чем-то другим. Да солдата, две жизни, они стреляли друг в друга, делили хлеб и воду и не заметили, как между ними возникло то, для чего ещё нет слова. Книга о расколе, который проходит через семьи, души и землю. О том, что враг это не лицо, а слово. И о том, что человечность хлеб, вода, песня, молчание рядом — единственное, что способно этот раскол преодолеть. Пока способно.

Анатолий Шигапов
Раскол - Первая Мировая

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том продолжает историю двух людей, которых война сделала врагами, а жизнь - чем-то другим. Артём и Максим. Русский и украинец. Они стреляли друг в друга, они держали друг друга в плену, они делили хлеб и воду - и не заметили, как между ними возникло то, для чего ещё нет слова.

Первый том был о расколе. О том, как война проходит по живому - по семьям, по душам, по самой земле. О том, как люди, которые должны быть вместе, оказываются по разные стороны окопа. О том, как человек теряет себя - и находит заново, но уже другим.

Второй том - о том, что было после. Не о мире - до мира ещё далеко. О том, что происходит с человеком, когда он остаётся жив, но всё, во что он верил, рассыпается в прах. Когда он попадает к «чужим» - и обнаруживает, что они не чужие. Когда он видит, что враг - это не лицо, а слово. Что за любыми идеологиями стоят живые люди - с такими же руками, с такими же глазами, с таким же страхом.

Как устроен том

Том построен зеркально. Главы об Артёме чередуются с главами о Максиме. Каждый из них проходит свой путь - от

непонимания к пониманию, от страха к принятию, от «я - русский» и «я - украинец» к вопросу: «А это не одно и то же?»

Они встречаются. На базаре. В библиотеке. В деревне. В Раде, где Артём пишет бумаги на русском, и в порту, где Максим таскает ящики с чужими клеймами. Они говорят одно и то же разными словами - и не могут договориться. Потому что слова - это слова. А за словами - люди.

Вокруг них - другие. Степан, который говорит Артёму: «Ты не русский. И не украинец. Пока - не то и не другое. Ты - человек». Тарас, который говорит Максиму: «А это не одно и то же?» Мужик с топором, который делит хлеб между ними и говорит: «Кто работает - тот не враг». Старуха в церкви, которая говорит Артёму: «Ти наш» - и не спрашивает, кто он. Дед-библиотекарь, который говорит: «Книги - они не врут. Люди - врут. Бумаги - врут. А книги - нет».

Это не второстепенные персонажи. Это голоса. Голоса людей, которые живут, работают, молятся, поют, едят борщ, ловят рыбу, рубят дрова. Людей, которые не спрашивают, кто ты, - а смотрят, как ты держишь топор, как ты ешь хлеб, как ты молчишь. И поэтому - понимают.

Что вы найдёте на этих страницах

Вы найдёте здесь борщ, который варят и русские, и украинцы, - и смеются над тем, что у них «свёклы больше». Вы найдёте песню «Червона калина», которую Артём не понимает словами, но понимает мелодией, - и подпевает. Вы най-

дёте икону Николая Угодника, которая висит и в московской церкви, и в киевской, - и смотрит одинаково. Вы найдёте хлеб, который дают просто так, не спрашивая, кто ты. Вы найдёте воду из колодца, которую даёт старуха - и не берёт денег. Вы найдёте книгу на украинском и книгу на русском, которые стоят на полке рядом - «между нами».

Вы найдёте здесь много «пока». Потому что в этом мире ничего не окончательно. «Пока - живой». «Пока - вместе». «Пока - свои». «Пока - не враг». Это не оговорка. Это - состояние. Человек между двумя мирами, который ещё не знает, куда придёт. Который ещё не выбрал. Который ещё - живёт.

Вы найдёте здесь раскол. «Раскол. Он не заживает. Он ждёт». Это ключевое слово тома - и историческое, и психологическое. Раскол между людьми, между народами, между прошлым и будущим. Раскол, который проходит через каждого героя - через его слова, через его мысли, через его руки.

И вы найдёте здесь момент, когда дым рассеивается. Когда Артём и Максим стоят друг против друга с винтовками - и не стреляют. Потому что не могут. Потому что видят друг в друге - человека. Потому что что-то между ними - больше, чем слова.

Зачем это читать

Эта книга - не о политике. Не об идеологиях. Не о том, кто прав, а кто виноват. Она о том, что война разделяет людей, которые должны быть вместе. И о том, что человечность

- это единственное, что может преодолеть раскол. Не слова. Не бумаги. Не карты с чужими линиями. А - руки. Хлеб. Вода. Песня. Книга. Молчание рядом с человеком, который тебе не чужой.

Эта книга о том, что враг - это не лицо. Враг - это слово. А за любым словом - человек. С такими же руками, с такими же глазами, с таким же страхом. С такой же надеждой.

И о том, что «пока» - это не слабость. Это - открытость. Это - возможность. Это - дверь, которая ещё не закрыта.

Я писал эту книгу, думая о тех, кто оказался между. Между двумя языками, двумя верами, двумя правдами. Между «свой» и «чужой». Между «надо» и «не могу». Я писал о том, что вижу сам: что за любыми границами, нарисованными на картах и в головах, стоят живые люди. Которые хотят есть хлеб, пить воду, петь песни, любить, растить детей. Которые хотят - жить.

И я писал о том, что раскол - не приговор. Что его можно преодолеть. Не сразу. Не словами. Но - можно. Через хлеб, который ты делишь. Через воду, которую ты даёшь. Через книгу, которую ты ставишь на полку рядом с чужой книгой. Через молчание, которое ты разделяешь с тем, кто - не чужой.

Пусть эта книга будет моим вкладом в это молчание. Или - в этот разговор. Потому что разговор - это тоже способ быть вместе.

Пока - вместе.

Глава 1. Артём. Траншея

Сначала была темнота. Не чёрная - густая, вязкая, как смола. В ней не было ни верха, ни низа, ни сторон. Только тяжесть. Тяжесть в теле, тяжесть в голове, тяжесть в каждой руке и ноге, как будто он был набит мокрым песком.

Потом пришли запахи. Первый - сырость. Холодная, земляная, с примесью гнили. Она шла снизу, от того, на чём он лежал. Второй - порох. Сухой, едкий, с металлическим привкусом. Он оседал на нёбе и заставлял сглатывать. Третий - страх. Его нельзя было унюхать, но он был. Как будто кто-то невидимый стоял рядом и дышал в затылок.

Потом пришли звуки. Сначала далёкие - глухое уханье, ритмичное, как будто кто-то огромный бил в барабан за горизонтом. Потом ближе - чьи-то голоса, негромкие, неразборчивые, на языке, который он не знал. Потом совсем близко - чавканье грязи под чьими-то шагами, лязг металла о металл, кашель, чей-то смех - короткий, обрывистый, невесёлый.

Артём открыл глаза. Темнота не исчезла - она стала другой, снаружи. Он лежал на боку, подтянув колени к груди. Левая рука была под щекой. Правая - вытянута вдоль тела. Пальцы сжаты в кулак, хотя он не помнил, чтобы сжимал.

Он не знал, сколько так пролежал. Может, минуту. Может, час. Может, целую жизнь. Время в этой темноте не шло -

оно стояло, как вода в застоявшейся луже. Только иногда по нему проходила рябь: где-то далеко ухало, и от этого удара земля под ним вздрагивала, и с потолка окопа сыпалась труха. Мелкая, сухая, она лезла в глаза, в рот, в волосы, скрипела на зубах.

Он попробовал пошевелиться. Тело отозвалось неохотно, как чужое. Плечо ныло. В боку тянуло. Но боли не было - была одеревенелость, как будто он долго лежал на холоде и теперь не мог вспомнить, как это - двигаться. Он разжал кулак. Пальцы разошлись по одному. В ладони остались следы от ногтей - четыре маленькие полулунные вмятины.

И тогда он вспомнил. Не всё сразу - кусками, обрывками, как будто кто-то швырял в него картинками. Деревня. Сарай. Мужик с топором. Максим у чурбака, топор взлетает и падает, взлетает и падает. Звук с неба - тяжёлый, нарастающий. Ядро. Оно вращалось в воздухе, медленно, неохотно, как будто не хотело падать. И падало. Прямо между ними. В землю. Глухо. И - завертелось.

А потом - ничего.

Артём лежал и смотрел в темноту. Ждал, что придёт боль - настоящая, острая, которая скажет ему, где он и что с ним. Но боль не приходила. Была только тяжесть в теле и этот запах - сырость, порох и страх.

Он повернул голову. Медленно, осторожно, как будто шея была стеклянной. И увидел.

Рядом с ним, в полуметре, может, в метре, лежал чело-

век. Неподвижно. Лицом вниз. Одна рука выброшена вперёд, пальцы растопырены, как будто он пытался за что-то схватиться. Другая подмята под тело. Плечи широкие. Волосы тёмные, слипшиеся от грязи. На спине - шинель, серая, с погонами, не такая, как у него самого. И запах от него шёл другой - не сырость и не порох, а что-то сладковатое, тяжёлое, мёртвое.

Артём смотрел на него, и внутри что-то сжималось. Не страх. Страх был раньше, он был всегда, он лежал поверх всего, как плёнка. А это было глубже. Это было узнавание. Как будто он уже видел этого человека. Как будто он знал его. Как будто -

«Максим».

Имя пришло само. Не как мысль, а как выдох. Он даже не успел его подумать - оно просто было, как будто всегда лежало наготове. И в то же мгновение что-то в нём сказало: да, это он. Это Максим. Тот самый. Из подвала. Из ямы. Из деревни. Враг, который стрелял в него. Враг, который работал за него. Враг, который делил с ним хлеб и воду. Враг, который был рядом.

Артём приподнялся на локте, превозмогая тяжесть в теле. Подполз ближе. Протянул руку - и остановился, не донеся до плеча. Пальцы дрожали. Он смотрел на эту спину, на эти растопыренные пальцы, на эту тёмную слипшуюся грязь на волосах, и не мог заставить себя дотронуться. Потому что если дотронется и тот не отзовётся - это будет правдой. А

пока он не дотрагивался, правды не было. Была только догадка. Только имя. Только «Максим».

Он всё-таки дотронулся. Ладонью - в плечо, чуть выше лопатки. Ткань шинели была холодной и влажной. Под ней - тело. Твёрдое. Неподвижное.

- Максим, - сказал он. Голос вышел хриплый, чужой, как будто горло долго не работало. - Максим.

Ответа не было.

Он взялся за плечо и потянул. Тело поддалось тяжело, как мешок с песком. Он перевернул его на спину - и увидел лицо. Молодое. Грязное. В тёмных разводах, в чём-то ещё, что могло быть землёй, а могло быть и не землёй. Глаза закрыты. Губы сжаты. Между бровей - морщинка.

Артём смотрел на это лицо. И чем дольше смотрел, тем сильнее что-то внутри него сжималось и одновременно - отпускало. Потому что лицо было не то. Не Максима. Черты другие - нос шире, скулы резче, подбородок тяжелее. И морщинка не та. И губы не те. Это был не Максим. Это был кто-то другой. Кто-то, кого он не знал. Кто-то, кто лежал здесь, в этой темноте, на этой сырой земле, и не дышал - или дышал так тихо, что нельзя было понять.

Артём отшатнулся. Сел на землю. Прямо, не думая, что она сырая и холодная. И почувствовал, как внутри что-то обрывается. Как будто он долго держался за верёвку, которая вела куда-то, - и верёвка оборвалась. Он был один. Он думал, что рядом Максим. Что он не один. А это был не Максим.

Это был кто-то другой. Мёртвый. Чужой.

Он сидел и смотрел на это лицо, и в голове было пусто. Не страх. Не ужас. Просто пустота. Как будто из него что-то вынули. Что-то важное. Что-то, что помогало держаться. И теперь он сидел здесь, в темноте, рядом с мёртвым человеком, которого принял за врага, - и не знал, что делать.

Потом он подумал: а может, это и есть Максим? Может, лицо изменилось? Может, грязь? Может, он просто не узнал? Он наклонился ближе. Всмотрелся. Нет. Не он. Не Максим. Другое лицо. Другие черты. Другой человек.

Он выпрямился. И тут только заметил, что вокруг не только темнота. Что над ним - не потолок, а небо. Серое, низкое, с рваными краями облаков, которые не двигались. И что он лежит не в яме, не в землянке, а в окопе - длинном, извилистом, с земляными стенками, которые осыпались.

Он поднял голову выше. Осмотрелся. Вдоль окопа, на дне, лежали и сидели люди. Много. Они были в серых шинелях, с погонами, с винтовками. У одного на голове была папаха - чёрная, с серым верхом. У другого - фуражка, с кокардой. Они разговаривали - тихо, негромко, и речь их была не русской. Она была другой. Незнакомой. Он не понимал ни слова.

Артём смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается что-то холодное. Не страх - страх уже был, он никуда не уходил. Это было другое. Это было ощущение, что он здесь чужой. Что он попал куда-то, куда его не звали. Что это ме-

сто - не его.

Он посмотрел на мёртвого. На его лицо. На морщинку между бровей. И подумал: я обознался. Я хотел увидеть Максима. Потому что быть не одному - легче. Потому что враг - это всё-таки кто-то знакомый. А здесь - никого знакомого. Только чужие. Только мёртвые. Только я.

Он прислонился спиной к земляной стенке. Стенка была холодной и сырой, но она держала. Он закрыл глаза. И стал ждать. Чего - он не знал. Но ждать было легче, чем думать.

Солдат появился не сразу. Сначала был звук - шаги по мягкой земле, чавканье грязи под сапогами. Артём открыл глаза. Он не заметил, как они подошли. Их было двое. Один - высокий, в серой шинели, с погонами, с шашкой на боку. Другой - помоложе, ниже ростом, в такой же шинели, но без погон, с винтовкой за плечом. У старшего были усы - длинные, книзу, как у всех, кто давно не брился. У младшего - безусое лицо, обветренное, с трещинками на губах.

Они остановились в двух шагах. Старший сказал что-то - коротко, резко, на том же непонятном языке. Артём не понял ни слова, но понял интонацию: вопрос. Он не ответил. Просто смотрел на них снизу вверх, и в этом взгляде было всё, что он чувствовал: страх, растерянность, готовность ко всему.

Младший наклонился. Посмотрел на мёртвого. Потом на Артёма. Потом снова на мёртвого. Сказал что-то старшему - тише, спокойнее. Старший кивнул и отошёл на пару шагов,

но не ушёл - стоял, смотрел.

Младший присел на корточки. Теперь его лицо было близко - молодое, обветренное, с чем-то в глазах, чего Артём не ожидал увидеть. Не злость. Не презрение. Усталость. Такая же, как у него самого. Такая же, как у всех.

Младший показал на мёртвого. Потом на Артёма. Потом сказал - медленно, отчётливо, как говорят с теми, кто не понимает:

- Це Петро, він з третьої роти, поки залиш, завтра поховаємо. Ти сам то живий?

Артём не понял слов. Но понял другое: что-то про человека на земле. Что-то про «завтра». Что-то про него самого. И ещё он понял, что вопрос был не праздный - младший действительно ждал ответа.

Артём кивнул. Автоматически. Не потому, что понял, а потому, что кивнуть было проще, чем объяснить, что он не понимает. Младший посмотрел на него внимательнее. Потом сказал:

- Ідемо.

И махнул рукой - в сторону, вдоль окопа.

Артём не двинулся. Он посмотрел на мёртвого. На его лицо. На морщинку между бровей. И подумал: его зовут Петро. Он из третьей роты. Его похоронят завтра. А я - здесь. И я не знаю, кто я. И я не знаю, что делать.

Он показал на мёртвого рукой - и на младшего, и на себя. Попытался изобразить вопрос: а он? Что с ним? Его оста-

вить?

Младший понял. Или сделал вид, что понял. Кивнул. Сказал что-то короткое - Артём разобрал только «завтра» - и снова махнул рукой: идём.

Артём встал, опираясь на левую руку. Правая болела, но слушалась. Он поднялся в полный рост и обнаружил, что окоп ему по грудь. Земля осыпалась под ногами, и он схватился за стенку, чтобы не упасть. Младший уже шёл - не оглядываясь, уверенно, как человек, который знает каждый поворот. Артём пошёл за ним.

Окоп тянулся и тянулся. Он изгибался, поворачивал, сужался и расширялся. По пути им попадались люди - они сидели на корточках, стояли, курили, чинили что-то, ели из мисок. Некоторые поднимали головы и смотрели на Артёма. Без злости. С чем-то другим - с любопытством, с усталостью, с безразличием. Как смотрят на то, что не имеет значения. Как смотрят на войну.

Никто не спросил, кто он. Никто не потребовал документов. Никто не преградил путь. Они просто смотрели - и отворачивались. Война. Хаос. Всем всё равно.

Артём шёл и смотрел по сторонам. Он видел лица - молодые и старые, гладкие и обветренные, с усами и без. Он видел руки - грубые, в мозолях, с обломанными ногтями, с сажей под кожей. Он видел, как один солдат крестился - быстро, троекратно, как учили с детства. Как другой доставал из-за пазухи маленькую иконку на верёвочке и подносил к губам.

Как третий просто сидел, смотрел в землю и молчал.

И Артём думал: они не враги. Они - люди. Просто люди. Которые живут. Пока живут. Он не знал, кто они. Не знал, что это украинцы. Не знал, что это - его враги. По крайней мере, так ему говорили. Но здесь, в этом окопе, врагов не было. Были только люди. Такие же, как он. С такими же руками. С такими же глазами. С таким же страхом.

Младший остановился у широкой части окопа, где земля была утоптана и лежало несколько досок. На досках сидели трое. Один - немолодой, с седыми усами, в шинели, которая знала лучшие дни. Другой - совсем молодой, безусый, с лицом, которое ещё не успело загрубеть. Третий - средних лет, с перевязанной рукой, он что-то жевал, медленно и сосредоточенно.

Младший сказал им что-то. Коротко. Те посмотрели на Артёма. Седой кивнул. Молодой улыбнулся - криво, неуверенно. Третий просто отвернулся и продолжил жевать.

Младший повернулся к Артёму. Показал на доски. Потом на него. Потом на рот - как будто говорил: садись, ешь. Артём сел. Осторожно, как будто доски могли проломиться. Сел и посмотрел на них - на всех троих. И вдруг понял, что не знает, что делать дальше. Он сидел среди чужих людей, в чужом окопе, в чужой войне, и не знал, что делать.

Седой протянул ему миску. Деревянную, тёмную, вытертую до блеска. В миске было что-то серое, густое, горячее. Артём взял. Миска была тёплая. Он держал её в руках и

смотрел на неё, и не мог заставить себя есть. Потому что есть - значит принять. Значит согласиться. Значит остаться.

Он остался. Потому что иначе - смерть. Пока иначе.

Он поднёс ложку ко рту. Еда была безвкусной - разваренная крупа, что-то мучнистое, без соли, - но горячей. Он проглотил. Потом ещё. И ещё. Ложка стучала о деревянное дно - глухо, коротко. С каждой ложкой что-то внутри него немного отпускало - не страх, не растерянность, а что-то другое. Что-то, что было глубже. Что-то, что сидело в нём с той самой минуты, когда он открыл глаза в темноте и не понял, где он. Он ел, и это что-то отходило - медленно, как отходит онемение в отлежанной руке. Он доел. Поставил миску на землю. Вытер рот рукавом - рукав был пыльный, пах чем-то кислым. И подумал: я жив. И это - всё, что у меня есть. Пока - всё.

Молодой что-то сказал. Артём поднял голову. Молодой показал на миску, потом на себя, потом на котёл - как будто спрашивал: ещё? Артём кивнул. Молодой улыбнулся и добавил ему ещё. Седой смотрел на это и молчал. Третий жевал.

Артём ел. И смотрел на них. И думал: они не спрашивают, кто я. Не спрашивают, откуда. Не спрашивают, почему я здесь. Они просто дают мне еду. Просто сажают к огню. Просто - принимают. Почему? Потому что так надо? Потому что иначе - нельзя? Или потому что - люди?

Он не знал. Но ел. И грелся. И молчал.

Он остался. Не потому, что решил. Не потому, что вы-

брал. Просто в какой-то момент понял, что некуда идти. Что если он встанет и уйдёт - его остановят. Или не остановят. Или убьют. Или не убьют. Он не знал. И это незнание было хуже всего.

Он сидел у дощатого настила, где сидели седой, молодой и тот с перевязанной рукой. Они не гнали его. Не спрашивали, почему он здесь. Не требовали объяснений. Они просто - были.

Он смотрел на них. На их лица. На их руки. На то, как они едят. Как они говорят. Он не знал, кто они. Не знал, что это украинцы. Не знал, что это - его враги. По крайней мере, так ему говорили. Но здесь, в этом окопе, врагов не было. Были только люди. Такие же, как он. С такими же руками. С такими же глазами. С таким же страхом.

Он смотрел на них и чувствовал, как что-то внутри него - сжимается и одновременно - отпускает. Как будто он долго держал что-то тяжёлое, и теперь кто-то сказал: можно опустить.

Он не понимал языка. Ни слова. Но понимал интонацию. Как они говорят - тихо, негромко, с усталостью. Как они смеются - коротко, обрывисто, невесело.

Он смотрел на молодого - безусого, с лицом, которое ещё не загрубело. Тот что-то сказал, показывая на костёр. Артём не понял. Молодой повторил - медленнее. Артём пожал плечами. Молодой засмеялся - тихо, негромко, не зло. И это было - странно. И это было - хорошо. Пока - хорошо.

Седой что-то сказал. Молодой кивнул. Тот, с перевязанной рукой, хмыкнул. И все замолчали. Смотрели на огонь. И Артём смотрел на огонь. Он думал: я не знаю, кто они. Не знаю, за что они воюют. Он не знал, что будет дальше. Не знал, найдут ли его. Не знал, вернётся ли он. Не знал - ничего. Но он был здесь. И он был живой.

Ночью он лежал на земле. На соломе. На чём-то, что подстелили ему - не спрашивая, не объясняя. Просто подстелили. И он лежал. Смотрел в небо. И слушал. Как они дышат. Как они спят. Как они - живут.

Утром его разбудил звук. Не выстрел. Не крик. Просто звук - кто-то ходил рядом, что-то делал, чем-то гремел. Артём открыл глаза. Свет был серый, ровный, без источника. Он лежал на соломе, на земле, укрытый чем-то - чьей-то шинелью, не своей. Он не помнил, как она оказалась на нём. Может, кто-то накрыл. Может, он сам. Может - что-то.

Тело ныло. Но боли не было. Была тяжесть. И ещё что-то - то, чего он не мог назвать. Может, усталость. Может, пустота. Может - что-то ещё.

Он посмотрел вокруг. Люди уже встали. Ходили. Что-то делали. Говорили. Молодой подошёл. Протянул ему кусок хлеба. Артём взял. Хлеб был тёмный, жёсткий, но тёплый. Он откусил. Прожевал. Молодой смотрел на него и улыбался. Артём улыбнулся в ответ - криво, неуверенно.

Он ел хлеб и смотрел на них. На их лица. На их руки. На то, как они двигаются. Как они говорят. Как они - вместе.

И думал: они не спрашивают, кто я. Не спрашивают, откуда. Не спрашивают, почему я здесь.

Седой подошёл. Сказал что-то. Артём не понял. Седой показал на него, потом на себя, потом на что-то вдали - на работу, на людей, на что-то, что было - вокруг. Артём кивнул. Не потому, что понял. Потому что кивнуть было проще, чем объяснить, что он не понимает. Седой ушёл. К своим.

Артём остался. С хлебом в руке. Он смотрел на них. На украинцев. На их лица. На их руки. На то, как они работают. Как они едят. Как они спят. Как они молятся. Он не знал, что это украинцы. Не знал, что это - его враги. По крайней мере, так ему говорили. Но здесь, в этом окопе, врагов не было. Были только люди. Такие же, как он. С такими же руками. С такими же глазами. С таким же страхом.

Он доел хлеб. Встал. Пошёл - не зная куда. Просто пошёл. Вдоль окопа. Мимо людей. Мимо лиц. Мимо рук. Мимо чего-то, что было - вокруг. Он не знал, что делать. Не знал, куда идти. Не знал, кому говорить. Он просто шёл. Потому что стоять было невыносимо.

Он дошёл до широкой части окопа. Там было несколько человек. Они что-то делали. Он остановился. Посмотрел. Потом один из них - немолодой, с усами, - посмотрел на него. Потом сказал что-то. Артём не понял. Человек повторил - медленнее. Показал на него, потом на что-то рядом, потом на себя. Артём пожал плечами. Человек кивнул. Как будто понял. И отвернулся.

Артём остался. Стоял. Смотрел. И думал: я не знаю, что делать. Не знаю, куда идти.

Он ходил по окопу. Смотрел. Иногда садился. Иногда вставал. Иногда просто стоял. И смотрел.

Он видел, как они работают. Как они чинят что-то. Как они носят что-то. Как они говорят. Он не понимал языка. Ни слова. Но понимал интонацию. Как они злятся - коротко, резко. Как они устают. Как они смеются - тихо, негромко. Как они - живут. И это было - важно. Пока - важно.

Он смотрел на них и чувствовал, как что-то внутри него - меняется. Не страх. Страх оставался. Что-то другое. Что-то, что было глубже. Что-то, что говорило: они не враги. Они - люди. Просто люди. Такие же, как ты. С такими же руками. С такими же глазами. С таким же страхом.

Он смотрел на них и думал: я не знаю, кто они. Не знаю, за что они воюют. Не знаю, что будет. Но я - здесь. С ними. И они - здесь. И мы - вместе.

Вечером он снова сидел у костра. Рядом - седой, молодой, тот с перевязанной рукой. Они ели. Иногда кто-то говорил - коротко, негромко. Артём не понимал слов. Но слушал. Слушал интонацию. Усталость. Спокойствие. Что-то ещё, чего он не мог назвать.

Молодой посмотрел на него. Улыбнулся. Сказал что-то. Артём не понял. Молодой повторил - медленнее, показывая на костёр, на небо, на себя. Артём пожал плечами. Молодой засмеялся - тихо, негромко, не зло. И протянул ему кусок

хлеба.

Артём взял. Хлеб был тёмный, жёсткий, но тёплый. Он откусил. Прожевал. Молодой смотрел на него и улыбался. И Артём вдруг понял, что тоже улыбается. Криво, неуверенно, но улыбается. Впервые за долгое время.

Седой что-то сказал. Молодой кивнул. Тот, с перевязанной рукой, хмыкнул. И все замолчали.

Артём смотрел на огонь. И думал: я не знаю, что будет. Не знаю, вернусь ли. Не знаю, найду ли Максима. Но я - здесь. И я - живой.

Он достал из кармана пуговицу. Ту самую - медную, с насечкой. От Ивана. Он не знал, зачем достал. Просто хотел посмотреть. На металл. На насечку. На то, что было в его руке. И думал: это пуговица. Ивана. Он дал её мне. Чтобы я помнил. Чтобы я знал. Чтобы я - не забыл. И я не забуду. Никогда. Даже здесь. Даже сейчас. Даже - среди чужих.

Молодой заметил. Посмотрел на пуговицу. Спросил что-то. Артём не понял. Молодой показал на неё пальцем - вопросительно. Артём сжал её в кулаке. Молодой кивнул. Как будто понял. И отвернулся.

Артём убрал пуговицу обратно в карман. Ближе к сердцу. И снова посмотрел на огонь. На то, как он двигается. Как он живёт.

Глава 2. Максим. Поле

Поле пахло гарью. Это было первое, что он почувствовал,

- раньше, чем открыл глаза, раньше, чем понял, что лежит на спине, раньше, чем вспомнил хоть что-нибудь. Гарь была сухая, едкая, она оседала в горле и заставляла сглатывать. А под ней, глубже, был другой запах - сладковатый, тяжёлый, мёртвый. Максим знал этот запах. Он не хотел его знать. Но знал.

Он открыл глаза. Небо висело над ним, как потолок, только без стен и без углов. Облака стояли неподвижно, рваные, как будто их кто-то разорвал и забыл убрать. Он лежал на спине и смотрел в это небо, и в голове было пусто. Не так, как бывает спросонья, - глубже. Как будто из него вынули всё, что было, и оставили только пустые полки.

Он не помнил, как здесь оказался. Попытался вспомнить - и память вернулась кусками, обрывками. Звук с неба - громкий. Ядро упало между ними. В землю. И - завертелось.

А потом - ничего. Ни взрыва, ни огня, ни боли. Просто - ничего. И вот это небо. И этот запах.

Он лежал и ждал, что придёт боль. Настоящая, острая, которая скажет ему, где он и что с ним. Но боль не приходила. Было только тело - тяжёлое, как будто в него налили воды. И пустота. И этот запах.

Он сел. Опираясь на ладони. Земля под ним была не землёй окопа и не землёй ямы. Это было поле. Настоящее поле - с травой, вытоптанной и примятой, с комьями земли, с чем-то ещё, что он не хотел разглядывать. Он не смотрел по сторонам. Смотрел только вперёд - туда, где виднелась полоска

воды. Река. Или ручей. Или что-то, что блестело на сером.

Он встал. Тело ныло - не от ран, а от чего-то другого. От пустоты. Он стоял и смотрел вокруг, и поле тянулось во все стороны - серое, вытоптанное, с чёрными пятнами воронок, с чем-то, что лежало на земле. Он не смотрел на это что-то. Не мог. Не хотел. Не - понимал.

Он пошёл. Не зная куда. Просто пошёл - потому что стоять было невыносимо. Ноги несли его сами. Он шёл через поле, через то, что было, и не смотрел на лица. Он вообще старался не смотреть по сторонам. Смотрел только вперёд.

Он думал: где Артём? Он жив? Он здесь? Он тоже лежит где-то на этом поле? Или он остался там, в деревне? Или его отбросило в другую сторону? Максим не знал. Он не мог знать. Он просто шёл. И думал. И не находил ответа.

Он дошёл до воды. Опустился на колени. Зачерпнул. Вода была холодная, чистая, живая. Пока живая. Он умылся. Тщательно, как будто стирал не грязь, а что-то другое. Что-то, что было глубже. Потом посмотрел на своё отражение.

Из воды на него смотрело лицо. Молодое. Грязное. С тёмными кругами под глазами. С чем-то в глазах, чего он не узнавал. Он смотрел на это лицо и думал: кто я? Где я? Что это? Лицо было его - и не его. Как будто кто-то взял его черты и переставил их по-другому. Или как будто он сам забыл, как выглядит.

Он отвёл взгляд. Встал. Пошёл дальше. Вдоль воды. К деревне - он видел её вдали, серую, низкую, с крышами, с ды-

мом из труб.

Деревня была русской. Он понял это ещё до того, как увидел людей. По речи - говор доносился откуда-то из-за домов, - по лицам, которые показались вдали, по чему-то, что было вокруг. Он не знал, как это объяснить. Просто знал. Так же, как знал, что это - его враги. По крайней мере, так ему говорили. Петлюровцы. Те, кто шёл на Киев. Те, кто разогнал Раду. Те, кто стрелял в его сторону.

Патруль остановил его у околицы. Двое. Молодые. В серых шинелях, с погонами, с винтовками. Один - с усами, другой - безусый. Усатый спросил:

- Кто такой?

Максим посмотрел на него. На его лицо. На его руки. На винтовку. И сказал:

- Заблудился.

Усатый не удивился. Не нахмурился. Не наставил винтовку. Просто кивнул - как будто ждал этого. И сказал:

- Идём.

Максим пошёл. Между ними. Через деревню. Мимо домов. Мимо людей. Мимо чего-то, что было вокруг. Люди смотрели на него. Без злости. С чем-то другим - с любопытством, с усталостью, с безразличием. Как смотрят на то, что не имеет значения. Как смотрят на войну.

Никто не спросил, кто он. Никто не потребовал документов. Никто не преградил путь. Война. Хаос. Всем всё равно.

Его привели в часть. Большой дом - или то, что от него

осталось. Крыша - дырявая. Внутри - люди. Много. Они сидели, стояли, ходили. Курили. Чинили что-то. Ели из мисок. На Максима посмотрели - и отвернулись. Как будто его не было. Как будто он был никем. Как будто он был ничем.

Он остался. Потому что иначе - смерть. Пока иначе.

Он не понимал, что происходит. Не понимал, где он. Не понимал, почему эти люди не спрашивают, кто он, откуда, зачем. Он просто стоял у стены и смотрел. На них. На их лица. На их руки. На то, как они говорят, едят, молятся.

И думал: что-то не так. Что-то - неправильно. Что-то - не его. Он не знал, что именно. Не мог сформулировать. Но чувствовал. Пока - чувствовал.

Он сел у стены. На пол. На солому. Она была сухая, колючая, пахла пылью и чем-то ещё - мышиным, старым, забытым. Он сидел и смотрел. На людей. На их лица. На их руки. На то, как они говорят, едят, молятся.

Он видел, как они крестятся. Справа налево. Как он. Как его дед. Как все. Он видел, как они кланяются иконе - маленькой, тёмной, в углу, на подставке. Как он. Как его дед. Как все. Он видел, как они говорят «спасибо» и «здравствуйте». Те же слова. Та же интонация. Та же - жизнь. Пока - жизнь.

И он думал: они - не враги. Они - люди. Он не знал, что это русские. Не знал, что это - его враги. По крайней мере, так ему говорили. Но здесь, в этой части, врагов не было. Были только люди. Такие же, как он. С такими же руками. С

такими же глазами. С таким же страхом.

Он смотрел на них. И постепенно начал различать лица. Вот тот, с усами, немолодой, - он сидел у окна и чинил сапог. Вот молодой, безусый, - он что-то писал в тетради, низко склонив голову. Вот тот, с перевязанной рукой, - он спал, прислонившись к стене, и во сне у него дёргалось веко. Вот женщина - немолодая, в платке, - она разливала что-то из котла в миски. Вот старик - совсем древний, с седой бородой, - он сидел на табурете и смотрел в стену, и в глазах у него было что-то, чего Максим не мог понять. Что-то, что было старше войны. Старше страха. Старше всего.

Максим смотрел на них и чувствовал, как что-то внутри него - сжимается и одновременно - отпускает.

Он не знал, что делать. Не знал, куда идти. Не знал, кому говорить. Он просто сидел. И молчал.

Женщина в платке подошла к нему. Поставила перед ним миску. Деревянную, тёмную, вытертую до блеска. В миске было что-то серое, густое, горячее. Она не сказала ни слова. Не спросила, кто он. Не потребовала объяснений. Просто поставила - и отошла.

Максим взял миску. Она была тёплая. Он держал её в руках и смотрел на неё, и не мог заставить себя есть. Потому что есть - значит принять. Значит согласиться. Значит остаться.

Он остался. Потому что иначе - смерть.

Он поднёс ложку ко рту. Еда была безвкусной, но горячей.

Он проглотил. Потом ещё. И ещё. И с каждым глотком что-то внутри него немного отпускало - не страх, не растерянность, а что-то другое. Что-то, что было ещё глубже. Что-то, что говорило: ты живой. Пока живой.

Он доел. Поставил миску на пол. Посмотрел на женщину. Она стояла у котла, спиной к нему. Он хотел сказать «спасибо». Но не сказал. Не мог. Не знал, поймут ли. Не знал, можно ли. Он просто смотрел на её спину. Потом отвернулся.

Максим не знал, что делать. Он сидел у стены. Смотрел. Иногда вставал. Иногда ходил - вдоль стены, от угла до угла. Иногда снова садился. И смотрел.

Он видел, как они живут. Как они работают - кто-то чинил одежду, кто-то строгал что-то, кто-то носил воду. Как они едят - из общего котла, по очереди, не спеша. Как они спят - на полу, на соломе, подложив под голову что придётся. Как они молятся - перед едой, перед сном, быстро, троекратно. Как они молчат - долго, тяжело, как будто слова кончились.

Он не знал, что это русские. Не знал, что это - его враги. По крайней мере, так ему говорили. Но здесь, в этой части, врагов не было. Были только люди. Такие же, как он. С такими же руками. С такими же глазами. С таким же страхом.

К нему подошёл солдат. Молодой. Безусый. С лицом, которое ещё не успело загрубеть. Он сел рядом. На солому. Посмотрел на Максима. Потом сказал:

- Ты откуда?

Максим посмотрел на него. На его лицо. На его глаза. И

сказал:

- Заблудился.

Солдат кивнул. Как будто ждал этого. И сказал:

- Бывает.

Он помолчал. Потом сказал:

- Я - Тарас.

Максим:

- Максим.

Тарас:

- Странное имя. Не наше.

Максим:

- Может быть.

Тарас:

- Ты не здешний.

Максим:

- Не здешний.

Тарас:

- А откуда?

Максим не знал, что сказать. Не знал, как объяснить. Не знал - можно ли. Тарас смотрел на него. Потом сказал:

- Ладно. Не хочешь - не говори.

Он встал. Отряхнул колени. И сказал:

- Пойдём. Покажу, где спать.

Максим встал. Пошёл за ним. Через часть. Мимо людей. Мимо лиц. Мимо чего-то, что было вокруг. Тарас шёл впереди. Не оглядывался. Уверенно. Как человек, который зна-

ет каждый угол. Максим шёл за ним. И думал: он не спросил, кто я. Не спросил, откуда. Не спросил, почему я здесь. Он просто - принял.

Ночью он лежал на соломе. В углу. У стены. Тарас показал ему место - не спрашивая, не объясняя. Просто показал. И ушёл. К своим. К тем, с кем он был. К тем, с кем он жил. Пока - жил.

Максим лежал и смотрел в потолок. Потолок был низкий, тёмный, с балками. В щели между досками виднелось небо. И звёзды - редкие, тусклые, они не давали света. Только - были. Пока - были.

Он слушал. Как они дышат. Как они спят. И думал: они не спрашивают, кто я. Не спрашивают, откуда. Не спрашивают, почему я здесь. Они просто - принимают.

Он думал о доме. О деде. О том, как дед молчал. Всегда молчал. О войне. О том, что было. О том, что не рассказывал. Максим не понимал. Тогда - не понимал. Теперь - начинал. Начинал понимать. Что молчание - это не отсутствие слов. Это - слова. Только другие. Тяжёлые. Которые не выговорить.

Он думал об Артёме. Где он? Жив? Мёртв? Здесь? Или там? Он не знал. Не мог знать. Но думал. И это было - важно.

Он закрыл глаза. И уснул. Не провалился в темноту. Не отключился. Просто уснул. Как засыпают люди. Как засыпают все. Как засыпают - когда рядом кто-то есть. Пока - есть.

Утром он проснулся от звука. Не выстрела. Не крика.

Просто звук - кто-то ходил рядом, что-то делал, чем-то гремел. Максим открыл глаза. Свет был серый, ровный, без источника. Он лежал на соломе, в углу, у стены. Рядом - никого. Тарас уже встал. Ушёл.

Максим сел. Тело ныло. Но боли не было. Была тяжесть. И ещё что-то - то, чего он не мог назвать. Может, усталость. Может, пустота. Может - что-то ещё.

Он встал. Пошёл к выходу. На улицу. Свет ударил в глаза - серый, ровный. Он зажмурился. Потом открыл. И увидел. Люди. Много. Они ходили. Что-то делали. Говорили. Жили.

Глава 3. Артём. Рабочий

Артёма не взяли в солдаты. Ему сказали об этом утром, коротко, без объяснений. Младший - тот самый, что привёл его в роту, - подошёл, посмотрел на него, потом показал рукой на винтовки, сложенные у бруствера, потом на Артёма, потом отрицательно покачал головой. Сказал что-то. Артём не понял слов, но понял: нельзя. Не ему. Не с оружием. Не в строй.

Он не удивился. Не обиделся. Не почувствовал ничего, кроме тихой, ровной пустоты. Он и сам знал, что не может. Не понимает языка. Не знает команд. Не умеет обращаться с оружием. Он держал винтовку один раз - в другой жизни, в другом времени, в подвале. И это было не умение. Это было проклятие.

Младший ушёл. Артём остался стоять у бруствера, глядя

на винтовки. На металл. На дерево прикладов. На то, что было в них. Потом отвернулся. И пошёл - не зная куда. Просто пошёл.

Его остановил человек. Немолодой. Усталый. С руками, которые знали работу. С лицом, обветренным, тёмным, с морщинами у глаз. Он стоял у входа в землянку и смотрел на Артёма. Потом сказал - по-русски, с трудом подбирая слова, как будто говорил на чужом языке, который знал плохо, но достаточно:

- Ты кто?

Артём остановился. Посмотрел на него. На его лицо. На его руки. И сказал:

- Артём.

Человек кивнул. Как будто ждал этого. Или как будто это что-то объясняло. Или - ничего не объясняло. Он помолчал. Потом сказал:

- Степан.

Артём кивнул. Степан смотрел на него ещё немного. Потом сказал:

- Ты не солдат.

Это был не вопрос. Артём не стал отвечать. Степан и не ждал ответа. Он сказал:

- Ты будешь копать. Носить воду. Работать.

Артём кивнул. Он не спрашивал, почему. Не спрашивал, зачем. Просто кивнул. Степан повернулся. Пошёл. Артём пошёл за ним.

Земля была твёрдая. С камнями. С корнями. Она не хотела поддаваться. Артём втыкал лопату - и она входила неохотно, с хрустом, как будто земля сопротивлялась. Он вынимал её и отбрасывал в сторону. Она падала с глухим звуком. И он снова втыкал лопату.

Степан стоял рядом. Потом сказал:

- Глубже.

Артём копнул глубже. Степан кивнул. Отошёл. К другим. К работе. К жизни. Артём копал. Час. Два. Спина ныла. Руки горели. Но он копал. Потому что надо. Потому что иначе - нельзя. Пока нельзя.

Потом он носил воду. Вёдра были тяжёлые. Вода плескалась через край, оставляя на земле тёмный след. Он носил её от колодца - старого, сгнившего, с воротом, который скрипел, - к кухне, где стоял котёл. И снова шёл. И снова носил. И снова.

Он видел украинцев в быту. Каждый день. Каждую минуту. Как они едят - из общего котла, по очереди, не спеша, как будто это была не война, а обычная жизнь, просто сдвинутая с места. Как они спят - на земле, на соломе, подложив под голову что придётся: сумку, свёрнутую шинель, кулак. Как они молятся - перед едой, перед сном, перед боем, быстро, троекратно, не глядя на икону, потому что иконы не было, но всё равно - как будто она была.

Он видел, как они кланяются - низко, до земли, когда молятся. Как он. Как его дед. Как все. Он видел, как они гово-

рят «спасибо» и «здравствуйте». Слова были другие - «дякую», «добрий день», - но интонация была та же. Та же, что у него. Та же, что у всех.

Он смотрел. И думал: это - не чужие. Это - свои. Просто слова другие. А всё - то же.

Он не говорил этого вслух. Не мог. Не хотел. Не - понимал. Но чувствовал. Пока - чувствовал.

Он видел, как молодой - безусый, с лицом, которое ещё не загрубело, - ел хлеб. Медленно. Сосредоточенно. Он отламывал по маленькому кусочку, клал в рот и жевал долго, как будто старался запомнить вкус. Крошки падали на колени - он смахивал их ладонью, осторожно, как будто это было что-то ценное. Артём смотрел на него и думал: он ест так же, как я. Так же, как все. Так же - когда голоден. Когда устал. Так же - когда не знаешь, будет ли следующий кусок. Он видел, как седой - с усами, в шинели, которая знала лучшие дни, - чинил что-то. Ниткой. Иголкой. Тщательно. Он вдевал нитку в иголку медленно, прищурившись, - руки уже не те, глаза уже не те, - но вдевал. И шил ровно, стежок к стежку, как будто от этого зависело что-то важное. Артём смотрел на его руки - большие, в трещинах, с обломанным ногтем на указательном пальце - и думал: он чинит так же, как мой дед. Так же, как все. Так же - когда надо. Когда - жизнь. И это было - правдой. Пока - правдой

Он видел, как тот, с перевязанной рукой, сидел и смотрел в землю. Ничего не делал. Просто сидел. И Артём думал: он

молчит так же, как я. Так же, как все. Так же - когда нечего сказать. Когда - нельзя. Пока - нельзя.

Степан заметил. Не сразу. Через несколько дней. Артём стоял у колодца. Набирал воду. Ворот скрипел. Ведро шло вниз. Он смотрел в тёмную воду. На своё отражение. На чужое лицо. И вдруг - перекрестился. Автоматически. Не думая. Потому что вода была холодная. Потому что колодец был глубокий. Потому что что-то внутри сказало: перекрестись. Он перекрестился. Справа налево. Как учили.

И Степан это увидел.

Он стоял в нескольких шагах. Смотрел. Потом подошёл. Ближе. Ещё ближе. Остановился. Посмотрел на Артёма. На его лицо. На его руки. На то, как он стоит. И сказал:

- Ты - наш?

Артём поднял голову. Посмотрел на него. На его лицо - обветренное, усталое, с морщинами вокруг глаз. На его руки - грубые, в мозолях, с трещинами на пальцах. И сказал:

- Я - оттуда. Из Москвы.

Степан не удивился. Не нахмурился. Не отступил. Он просто кивнул - как будто ожидал этого. И сказал:

- А разве это разное?

Артём молчал. Не знал, что сказать. Степан смотрел на него ещё немного - долго, внимательно, как будто искал что-то в его лице. Потом повернулся и ушёл. Не сказал больше ни слова. Не объяснил. Не спросил. Просто ушёл - к своим. Артём смотрел ему вслед - на его спину, на его походку И

думал: он не враг. Он не чужой. Он - что-то другое. Что-то, для чего ещё нет слова. Пока - нет.

Артём остался. С ведром в руке. Он набрал воду. Поставил ведро на землю. Выпрямился. И посмотрел вслед Степану - на его спину, на его походку, на то, как он идёт. Медленно. Тяжело. Как солдат. Как все. Как всегда.

И подумал: он не враг. Он не чужой. Он - что-то другое. Что-то, для чего ещё нет слова.

Вечером он сидел у костра. Рядом были другие - те же, что и всегда. Седой. Молодой. Тот, с перевязанной рукой. Они ели. Иногда кто-то говорил - коротко, негромко, и другие кивали или отвечали. Артём не понимал слов. Но понимал интонацию. Усталость. Спокойствие. Что-то ещё, чего он не мог назвать. Молодой - безусый, с лицом, которое ещё не загрубело, - чинил сапог. Дратва была толстая, жёсткая, она не хотела идти в кожу. Молодой тянул её - криво, неумело, - и шипел сквозь зубы, когда игла попадала не туда. Артём смотрел на его руки. На то, как они двигаются - неуверенно, как будто делали это впервые. Потом протянул руку - молча. Молодой посмотрел, не понял. Артём показал: дай. Молодой поколебался, потом отдал. Артём взял сапог. Взял дратву. Подтянул - как учил дед. Крепко. Ровно. Игла пошла в кожу легко, как будто всегда там была. Молодой смотрел. Смотрел, как Артём затягивает узел, как обрезает конец, как проверяет пальцем - крепко ли. Потом улыбнулся - криво, неуверенно, но улыбнулся. И сказал что-то. Артём не понял.

Но понял интонацию. Молодой благодарил. Артём кивнул. Отдал сапог. Молодой взял. Посмотрел на него. Потом на Артёма. И это было - важно. Потому что он не взял. Он - дал. Седой что-то сказал. Молодой кивнул. Тот, с перевязанной рукой, хмыкнул. И все замолчали. Смотрели на огонь

Потом седой заговорил, негромко, глядя в огонь. Артём не понимал слов, но слушал. Слушал интонацию - ровную, спокойную, как будто седой рассказывал что-то давно известное. Молодой кивал. Тот, с перевязанной рукой, иногда вставлял слово. И Артём вдруг понял, что это - разговор. Не приказ. Не крик. Просто разговор. Как у него дома. Как у всех. Как всегда.

Он смотрел на них и думал: они говорят о чём-то своём. О доме. О жизни. О том, что было. О том, что будет. И я - здесь. С ними. И я не понимаю слов. Но я понимаю - что-то. Что-то важное. Что-то, что больше слов. Что-то, что нельзя назвать. Пока - нельзя.

Шли дни. Артём работал. Копал. Носил воду. Делал что-то ещё - то, что говорил Степан, то, что показывали руками. Он не понимал языка, но понимал интонацию. И этого было достаточно.

Он видел украинцев в быту - каждый день, каждую минуту. И с каждым днём что-то внутри него - менялось. Не страх. Страх оставался. Что-то другое. Что-то, что было глубже. Что-то, что говорило: они - не чужие. Они - свои. Просто слова другие. А всё - то же.

Он не говорил этого вслух. Не мог. Не хотел. Не - понимал. Но чувствовал. Пока - чувствовал.

Однажды он стоял у колодца. Набирал воду. Ворот скрипел. Ведро шло вниз. Он смотрел в тёмную воду. На своё отражение. И думал: кто я? Русский? Украинец? Или - что-то другое? Что-то, для чего ещё нет слова? Он не находил ответа. Он набирал воду.

Степан подошёл. Встал рядом. Потом сказал:

- Ты не бойся.

Артём посмотрел на него.

- Здесь не убьют. Пока не убьют.

Артём не понял. Степан не объяснил. Ушёл. Артём остался. С ведром. С водой. С работой. Он смотрел на них - на украинцев. На их лица. На их руки. На то, как они работают. Как они едят. Как они спят. Как они молятся. И думал: это - не чужие. Это - свои. Просто слова другие. А всё - то же. И это было - правда.

Глава 4. Максим. Солдат

Утром его разбудил Тарас. Не звуком - просто потряс за плечо. Максим открыл глаза. Свет был серый, ровный, без источника. Тарас стоял над ним - уже одетый, уже с винтовкой за плечом, с лицом, которое не знало войны, но уже начинало учиться.

- Вставай, - сказал Тарас. - Сегодня ты - солдат.

Максим сел. Тело ныло. Но боли не было. Была тяжесть.

И ещё что-то - то, чего он не мог назвать. Может, пустота. Может - что-то ещё.

Он встал. Пошёл за Тарасом. Через часть. Мимо людей. Мимо лиц. Мимо чего-то, что было вокруг. Люди смотрели на него. Без злости. С чем-то другим - с любопытством, с усталостью, с безразличием. Как смотрят на то, что не имеет значения. Как смотрят на войну.

Тарас привёл его к длинному столу. На столе лежали винтовки. Много. Рядом - патроны. В ящиках. Открытых. И ещё что-то - ремни, сумки, фляги. Всё - чужое. Всё - не его. Пока - не его.

- Вот, - сказал Тарас. - Твоя.

Он взял одну винтовку. Протянул Максиму. Максим взял. Металл был холодный. Тяжёлый. Он держал её в руках и смотрел на неё. На дерево приклада. На ствол. На что-то, что было в ней. И думал: это - оружие. Чтобы убивать. Чтобы - защищаться. Чтобы - жить. Пока - жить.

- Не так, - сказал Тарас. - Смотри.

Он показал, как держать. Как прицеливаться. Как заряжать. Максим смотрел и кивал. Иногда. Для вида. Он умел кивать. Умел делать лицо. Умел быть как все.

- Понял? - спросил Тарас.

Максим кивнул. Не понял. Но кивнул. Потому что кивнуть было проще, чем объяснить, что он не понимает.

Тарас хлопнул его по плечу. Сильно. По-дружески. Как хлопают своих.

- Молодец. Теперь - стрелять.

Стрельбище было за частью - длинный пустырь, вытоптанный, с мишенями из мешков, набитых соломой. Они стояли в ряд. Пять человек. Максим - третий. Слева - Тарас. Справа - кто-то ещё, молодой, безусый, с лицом, которое ещё не загрубело. Все - с винтовками. Все - смотрели вперёд.

- Цельсь, - сказал усатый. Тот самый, что привёл Максима в часть. Немолодой. С усами. С голосом, который знал команды. - Пли.

Максим выстрелил. Отдача толкнула в плечо. Он не ожидал. Дёрнулся. Но выстрелил снова. И снова. И снова. Он не думал. Не смотрел на мишени. Просто стрелял. Как учили. Как показали. Как получалось.

- Плохо, - сказал усатый. - Ещё раз.

Максим стрелял. Молчал. Смотрел вперёд. На мишени. На что-то, что было - там. И думал: это - не люди. Это - мешки. Пока - мешки.

Он стрелял. Час. Два. Плечо ныло. Руки горели. Но он стрелял. Потому что надо. Потому что иначе - нельзя. Пока нельзя.

Тарас рядом стрелял тоже. Лучше. Точнее. Увереннее. Он попадал. Максим - нет. Или попадал. Но не туда. Не так.

- Ты чего? - спросил Тарас. - Не можешь?

Максим: - Могу.

Тарас: - Тогда - цельсь.

Максим целился. Стрелял. Попадал. Или не попадал. Не

знал. Не смотрел. Просто стрелял. Потому что надо.

После стрельбища был обед. Из общего котла. Каша. С мясом. Или с чем-то, что было похоже на мясо. Максим ел. Смотрел в миску. Каша была густая, с комками, с чем-то, что называлось мясом, но мяса в ней было мало - больше жил и чего-то жёсткого, что приходилось жевать долго. Рядом - Тарас. Слева - тот, безусый. Справа - тот, с усами. Все - ели. Все - молчали. Иногда кто-то говорил - коротко, негромко, как будто боялся нарушить тишину. Кто-то смеялся - тихо, невесело. Кто-то ругался - сквозь зубы, без злобы. Максим слушал. И думал: они говорят о доме. О том, что было. О том, что будет. У того, с усами, - жена и двое детей, он говорил об этом вчера. У безусого - мать, которая пишет письма и ждёт. У Тараса - никого, он не рассказывал. И я - здесь. С ними. И я не понимаю, кто я. Не понимаю, за что воюю. Не понимаю - ничего.

Тарас посмотрел на него. Потом сказал:

- Ты странный.

Максим: - Почему?

Тарас: - Говоришь, как наш. А думаешь, как - их.

Максим: - Кто - они?

Тарас: - Враги.

Максим: - А кто - враги?

Тарас: - Те, кто - там.

Максим: - А если они - такие же?

Тарас: - Тогда - мы не воюем.

Максим: - А мы - воюем?

Тарас: - Воюем.

Максим: - Почему?

Тарас: - Потому что - надо.

Максим: - Кому - надо?

Тарас молчал. Не знал, что сказать. Максим молчал. Тоже не знал. Но чувствовал: что-то не так. Что-то - неправильно. Что-то - не его.

Вечером был строй. Длинный. Ровный. Люди стояли плечом к плечу - усталые, грязные, с лицами, которые уже не казались молодыми. Перед строем стоял полковник. Морозов. Немолодой. С усами. В мундире, который знал лучшие дни. Он говорил. Громко. Чётко. Уверенно.

- Мы воюем за Россию. За единую. За неделимую. Мы - братья. Один народ.

Тарас кивнул. Стоял рядом. Смотрел на полковника. Верил. Или делал вид, что верит. Или - просто. Как все. Как всегда.

Максим слушал. Смотрел на полковника. На его мундир. На его награды. На его слова. И думал: один народ. Братья. А кто тогда - враги? Австрийцы? Немцы? Или - мы сами? Он не находил ответа. Он смотрел на полковника. На его лицо. На его руки. На то, как он говорит. И думал: он говорит - братья. А сам - стреляет. Какой он брат? Он не говорил этого вслух. Но чувствовал: что-то не так. Что-то - неправильно.

Полковник закончил. Строй рассыпался. Люди пошли -

кто куда. К кострам. К палаткам. К чему-то, что было - вокруг. Максим остался. Стоял. Смотрел вслед полковнику. На его спину. На его походку. На то, как он идёт. Как солдат. Тяжело.

Тарас подошёл. Встал рядом. Сказал:

- Ты чего?

Максим: - Ничего.

Тарас: - Ты - свой. Я знал.

Максим: - Я - украинец.

Тарас: - А разница есть?

Ночью он сидел у костра. Один. Без Тараса. Без других. Просто сидел. Он думал об Артёме. Где он? Жив? Мёртв? Здесь? Или там? Он не знал. Не мог знать. Но думал. И это было - важно.

Он смотрел на огонь. И думал: я не знаю, что будет. Не знаю, вернусь ли. Не знаю, найду ли Артёма.

Он достал из кармана кусок хлеба. Он не съел его. Оставил. Зачем - не знал. Просто оставил. И теперь держал в руке. Смотрел на него. На тёмную корку. На что-то, что было в нём. И думал: это - хлеб. Просто хлеб. Но он - от неё. От женщины, которая не спросила, кто я. Которая просто - дала. Как будто я - свой.

Он откусил. Прожевал. Хлеб был чёрствый. Но тёплый. Или - не тёплый. Уже нет. Но всё равно - хлеб. Он доел. Встал. Пошёл к своему месту. К соломе. К стене. Лёг. Закрыл глаза. И уснул. Не провалился в темноту. Не отключил-

ся. Просто уснул. Как засыпают люди, которые целый день работали.

Глава 5. Артём. Церковь

Церковь он увидел случайно. Шёл от колодца - с ведром, с пустой головой, с чем-то, что было внутри и не имело названия. И вдруг - купол. Маленький. Покосившийся. С крестом, который врос в небо, как будто его там поставили очень давно и забыли убрать.

Артём остановился. Ведро качнулось в руке. Вода плеснула через край - холодная, на сапоги. Он не заметил. Он смотрел на купол. На крест. На что-то, что было - выше. Выше войны. Выше страха. Выше всего.

Церковь стояла в стороне от дороги, за домами, в конце улицы. Белая, низкая, с трещинами по стенам, с крышей, которая местами провалилась. Дверь была приоткрыта. Внутри - темно. Артём стоял и смотрел. Потом поставил ведро на землю. И пошёл.

Он не знал, зачем. Не думал. Просто ноги несли. Просто что-то тянуло. Что-то, что было сильнее усталости. Сильнее страха. Сильнее - всего.

Внутри было темно. Не так, как в окопе - не вязко, не тяжело. По-другому. Темнота была мягкая, густая, с запахами. Воск. Ладан. Что-то ещё - старое, каменное, холодное. Как будто здесь время остановилось. Или - не начиналось.

Артём стоял у входа. Ждал, пока глаза привыкнут. Посте-

пенно темнота начала распадаться на тени. Иконы на стенах - тёмные, в окладах, с ликами, которые не разобрать. Свечи - тонкие, восковые, они горели у нескольких икон, и их огоньки дрожали, как будто боялись. И люди. Немного. Старуха - у дальней стены, стоит на коленях, молится. Старик - у окна, сидит на скамье, смотрит в стену. Молодая женщина с ребёнком - у иконы Богородицы, крестится, кланяется.

Артём стоял и смотрел. Потом прошёл вперёд, осторожно, как будто боялся спугнуть тишину. Остановился у иконы - той самой, что была ближе к нему. Николай Угодник. Старый. Тёмный. С глазами, которые смотрели откуда-то из глубины. Как у бабушки. В Москве. Та же икона. Тот же лик. Те же глаза.

Он не молился. Не знал, как. Не помнил слов. Он просто стоял. Смотрел. И - крестился. Автоматически. Как учили. Медленно. Как будто рука была чужая. Но - крестился.

Старуха заметила. Она молилась у дальней стены - на коленях, сгорбившись, с палкой, которая лежала рядом. Артём не видел её лица. Только спину - согнутую, в тёмном платке, в чём-то старом, вытертом. Она молилась на украинском. Тихо. Шёпотом. Слова были чужие. Но интонация - знакомая. Та же, что у его матери. Та же, что у бабушки. Та же, что у всех. Когда молятся. Когда просят. Когда - живут.

Артём стоял. Смотрел на икону. Молчал. Потом старуха поднялась. Опираясь на палку. Повернулась. И увидела его.

Она смотрела. Без злости. Без удивления. С чем-то дру-

гим - с чем-то, что было глубже. Что-то, что знало больше. Что-то, что - понимало. Потом она сказала что-то. На украинском. Артём не понял слов. Но понял интонацию. Она спрашивала. Или - утверждала. Или - просто говорила.

Артём не знал, что сказать. Старуха подошла ближе. Ближе. Ещё ближе. Остановилась в двух шагах. Посмотрела на него. На его лицо. На его руки. На то, как он стоит. И сказала - отчётливо, как говорят с теми, кто не понимает:

- Ти наш.

Артём посмотрел на неё. На её лицо - старое, тёмное, с морщинами, которые знали всё. На её глаза - глубокие, усталые, но - живые. И сказал:

- Я - русский.

Старуха не удивилась. Не нахмурилась. Не отступила. Она просто кивнула - как будто ожидала этого. Или - знала. Или - просто. Как все. Как всегда. И сказала:

- А це не одне й те саме?

Артём молчал. Не знал, что сказать. Старуха смотрела на него ещё немного. Потом улыбнулась. Слабо. Через силу. Но улыбнулась. И сказала что-то ещё - тихо, почти шёпотом. Артём не разобрал. Но понял: она не спрашивает. Она - знает. Или думает, что знает.

Она повернулась и пошла к выходу. Опираясь на палку. У двери остановилась. Обернулась. Посмотрела на него ещё раз. И вышла.

Артём остался. С иконой. Со свечой, которая горела у ли-

ка - тонкая, восковая, она оплывала, и воск капал на подставку. Он смотрел на огонёк. На то, как он дрожит. Как он живёт.

Он думал: один бог. Одна вера. Одна кровь. А мы - враги. Почему? Он смотрел на лик. На глаза. На то, что было в них. И не находил. Только - что-то. Что-то, что было глубже слов. Глубже ответов. Глубже - всего.

Он вышел. Под дождь. Тот самый - мелкий, холодный, осенний. Хотя была весна. Может, лето. Он не знал. Дождь шёл. И это было - странно. И хорошо. И страшно. Потому что дождь - это тоже слова. Только без букв. Он вернулся к ведру. Поднял его. Пошёл дальше. К котлу. Вода плескалась через край - холодная, на сапоги, на землю, на что-то, что было под ногами. Степан стоял у котла. Смотрел, как Артём идёт.

Потом сказал: - Ты был в церкви. Это был не вопрос. Артём кивнул. Степан смотрел на него ещё немного - на его лицо, на его руки, на мокрую шинель.

Потом сказал: - Там старуха. Она - наша. Она всех знает. Всех помнит. Она и тебя запомнит. Артём молчал. Степан не ждал ответа. Он сказал: - Она сказала что-то?

Артём: - Сказала, что я - наш.

Степан: - А ты?

Артём: - Я - русский. Степан кивнул. - Я помню. Ты уже говорил. Он помолчал. Посмотрел на котёл - на пар, который поднимался вверх, густой, белый, и растворялся в сером

небе.

Потом сказал: - Ты не русский. И не украинец. Пока - не то и не другое. Ты - человек. Просто человек. Который живёт.

Вечером он снова сидел у костра. Рядом - седой, молодой, тот с перевязанной рукой. Седой говорил - долго, негромко, глядя в огонь. Слова были чужие, но интонация - знакомая. Он рассказывал о чём-то. О доме, может. О том, что было. О том, что будет. Молодой кивал. Тот, с перевязанной рукой, иногда вставлял слово - коротко, негромко, как будто поправлял. И Артём вдруг понял: он не понимает слов, но понимает - разговор. Не приказ. Не крик. Просто разговор. Как у него дома. Как у всех. Как всегда. Седой замолчал. Посмотрел на Артёма. Потом сказал что-то - негромко, как будто спрашивал. Артём не понял. Но понял интонацию. Седой спрашивал - о нём. Откуда он. Где его дом. Артём молчал. Не знал, что сказать. Не знал, можно ли. Седой смотрел на него ещё немного. Потом кивнул - как будто понял. Или - как будто не надо было понимать. И снова заговорил - о чём-то своём. Молодой кивнул. Тот, с перевязанной рукой, хмыкнул. И все замолчали. Смотрели на огонь. А Артём - слушал. Молчал. И думал: это разговор. Просто разговор. Но он - важнее слов. Потому что - вместе. Пока - вместе

Глава 6. Максим. Бой

Бой начался утром. Не с сигнала, не с команды - просто в какой-то момент стало тихо. Не мирно тихо, а страшно тихо,

как будто всё замерло. Птицы замолчали. Ветер стих. Даже солнце - серое, тусклое - как будто остановилось. Оно висело где-то над горизонтом, не поднимаясь выше, не опускаясь ниже, - просто висело, как фонарь, который забыли погасить. И тени были длинные, кривые, они лежали на земле, как что-то мёртвое.

Максим стоял в цепи. Ноги в сапогах - тяжёлые, чужие. Он чувствовал, как земля под ними - сырая, холодная - отдаёт влагу через подошвы. Он стоял и смотрел вперёд. Туда, где за полем - за тем полем, которое он видел ещё вчера, когда они шли сюда, - за дымом, за чем-то, что было - были они. Враги. Те, в кого нужно стрелять. Те, кто, может быть, тоже стоял сейчас и смотрел вперёд. На него. На Тараса. На всех.

Рядом - Тарас. Слева - тот, безусый, с лицом, которое ещё не загрубело. Молодой. Может, моложе Максима. Может, ровесник. У него были светлые глаза и веснушки - веснушки на войне казались чем-то невозможным, чем-то из другой жизни. Справа - тот, с усами, немолодой. У него были руки, которые знали работу - не только войну, но и что-то ещё. Землю. Может, плуг. Может, молот. Может, просто - жизнь.

Все - с винтовками. Все - смотрели вперёд. Туда, где за полем, за дымом, за чем-то, что было - были они. Враги. Те, в кого нужно стрелять.

- Готов? - спросил Тарас.

Максим кивнул. Не был готов. Но кивнул. Потому что кивнуть было проще, чем объяснить, что он не готов. Что он

никогда не будет готов. Что это - не его.

Тарас посмотрел на него. Потом улыбнулся - криво, одной стороной рта. Как будто знал что-то, чего Максим не знал. Как будто понимал больше, чем говорил.

- Ничего, - сказал Тарас. - Первый раз - всегда так. Потом - пройдёт.

- А если не пройдёт? - спросил Максим. Голос был чужой. Хриплый.

- Пройдёт, - сказал Тарас. - Куда оно денется.

Он сказал это так просто, так уверенно, что Максим почти поверил. Почти. Но что-то внутри - что-то, что было глубже слов, глубже мыслей, - знало: не пройдёт. Не может пройти. Потому что это - не болезнь. Это - что-то другое. Что-то, что останется. Навсегда. Пока - навсегда.

Усатый поднял руку. Максим видел его руку - большую, грубую, с обломанным ногтем на указательном пальце. Рука замерла. Потом - упала.

- Вперёд!

Голос усатого был как удар. Как выстрел. Как что-то, что нельзя было не услышать. И Максим услышал.

И Максим побежал. Не думал. Не смотрел. Просто бежал. Земля была мягкая, сырая, она чавкала под сапогами - как будто пила. Как будто хотела выпить его. Трава была мокрая от росы - холодная, острая, она хлестала по голенищам, по штанам, по чему-то, что было - внутри. Где-то далеко - или близко - ухало. Земля вздрагивала. С неба сыпалась труха.

Или - что-то другое. Он не смотрел. Не хотел смотреть. Не мог.

Он бежал и слышал, как рядом бегут другие. Как дышат. Как ругаются. Как молчат. Кто-то упал - он слышал, как тот вскрикнул, как захрипел, как затих. Он не обернулся. Не мог. Не хотел. Потому что если обернуться - остановишься. А если остановиться - умрёшь.

Он споткнулся и упал на колено. Колено ударилось о землю - больно, тупо, но он не почувствовал. Поднял винтовку. Прицелился. Выстрелил. Отдача толкнула в плечо - та же, что на стрельбище. Но теперь - другая. Теперь - настоящая. Теперь - отдача была не просто толчком, а чем-то, что отдавалось во всём теле. В руках. В груди. В голове. Он выстрелил снова. И снова. И снова.

Он не думал. Не смотрел на лица. Просто стрелял. Как учили. Как показали. Как получалось. Он видел, как они падают. Как они бегут. Как они кричат. Как они молчат. Он видел, как один из них - молодой, с лицом, которое ещё не загрубело, - упал на колени, схватился за грудь и замер. Максим смотрел на него. Потом отвернулся. И выстрелил снова. Потому что надо. Потому что иначе - нельзя. Пока нельзя.

Он не знал, попал ли. Не знал, убил ли. Знал только, что выстрелил. И что это было - легко. И что это было - страшно. И что он не чувствовал ничего. Пока не чувствовал. Потом - почувствует. Потом - будет. Потом - придёт. А пока - нет. Пока - только винтовка. Только прицел. Только выстрел.

Только - легко. Только - страшно. Только - ничего.

Тарас рядом стрелял тоже. Кричал что-то. Ругался. Смеялся. Как будто это была игра. Как будто это было - весело. Максим слышал его голос и не понимал. Как можно смеяться? Как можно - веселиться? Он не понимал. Но стрелял. Рядом. Вместе. Как будто так и надо. Как будто они - одно. Как будто они - братья. Не по крови. По окопу. По страху. По этой тишине. По этому пороху. По этой крови. По этому молчанию.

Тарас что-то крикнул ему - Максим не разобрал что. Может, «молодец». Может, «давай». Может, что-то ещё. Он кивнул. Не потому что понял, а потому что надо было кивнуть. Надо было показать, что он - здесь. Что он - с ними. Что он - свой. Пока - свой.

Он менял магазин. Руки не слушались. Пальцы были чужими. Но он менял. Потому что надо. Потому что иначе - убьют. Пока иначе. Он смотрел на свои руки. На металл. На то, как они двигаются. Как будто - сами. Как будто - знают. Как будто - умеют. Он не помнил, как его учили. Он не помнил ничего. Всё было - само. Всё было - до. Всё было - раньше. А теперь - только винтовка. Только прицел. Только выстрел.

Магазин встал на место. Щёлкнул. Максим поднял винтовку. Прицелился. Выстрелил. И снова - отдача. И снова - легко. И снова - страшно. И снова - ничего.

Он увидел австрийца. Тот стоял на колене, в двадцати ша-

гах, может, ближе. В серой форме, с лицом, которое не разобрать. Лицо было как пятно - серое, размытое, без черт. Может, у него были усы. Может, нет. Может, он был молод. Может, стар. Максим не видел. Не хотел видеть. Он видел только, что тот целился. В Тараса. В его спину. В его затылок. В его жизнь.

Максим не думал. Поднял винтовку. Выстрелил. Австриец упал. Упал как-то странно - не назад, не вперёд, а вбок, как будто его толкнули. Как будто кто-то невидимый просто взял его и толкнул. И он упал. И замер. И больше не двигался.

Тарас обернулся. Посмотрел на него. Потом сказал:

- Ты меня спас.

Максим кивнул. Не сказал ничего. Не мог. Не хотел. Не - понимал. Он просто смотрел на Тараса. На его лицо. На его глаза. И думал: я спас его. Я. Убил одного. Спас другого. И это - правильно.

Тарас подошёл. Ближе. Положил руку на плечо. Тяжёлую. Грязную. Свою.

- Я запомню, - сказал он. - Ты - свой. Я знал.

Максим молчал. Не знал, что сказать. Не знал, что чувствовать. Он смотрел на австрийца - на то, что осталось от австрийца, - и думал: я его убил. Или не убил. Не знаю. Но я стрелял. И он упал. И это - было легко. И это - страшно.

Потом был ещё бой. Ещё выстрелы. Ещё лица. Ещё что-то, что было - вокруг. Максим не помнил. Не запоминал. Просто

делал. Просто - был. Пока - был.

Он стрелял. Менял магазин. Стрелял снова. Рядом кто-то кричал. Кто-то падал. Кто-то бежал. Он не смотрел. Не хотел. Не мог. Он делал то, что надо. То, что должно. То, что - было. Пока - было.

Бой кончился. Дым рассеялся. Крики стихли. Стало тихо. Так тихо, что звенело в ушах. Максим стоял. Смотрел на поле. На то, что было - там. На тела. На что-то, что было - вокруг. Он не считал. Не хотел. Не - мог. Он просто стоял. С винтовкой в руке.

Поле было серым. Как небо. Как лица. Как всё. На нём лежали люди - маленькие, неподвижные, как будто их нарисовали. Как будто кто-то взял и нарисовал их на земле. И забыл стереть. И они лежали. И не двигались. И не дышали.

После боя был строй. Длинный. Ровный. Люди стояли плечом к плечу - усталые, грязные, с лицами, которые уже не казались молодыми. У некоторых были повязки - белые, грязные, с пятнами. У некоторых - ничего. У некоторых - глаза, которые смотрели в никуда. Как будто там, в никуда, было что-то. Что-то, что они видели. Что-то, что они знали. Пока - нельзя.

Перед строем стоял полковник. Морозов. Тот самый. Немолодой. С усами. В мундире, который знал лучшие дни. Мундир был чистый - странно чистый на этой грязной земле. Как будто полковник не был здесь. Как будто он только что пришёл. Как будто он не видел того, что видели они. Как

будто он не знал того, что знали они.

Он говорил. Громко. Чётко. Уверенно.

- Мы воюем за Россию. За единую. За неделимую. Мы - братья. Один народ. Мы не отдадим ни пяди земли. Мы не предадим память предков. Мы - русские. И мы - победим.

Тарас кивнул. Стоял рядом. Смотрел на полковника. Верил. Или делал вид, что верит. Или - просто. Как все. Как всегда.

Максим слушал. Смотрел на полковника. На его мундир. На его награды. На его слова. И думал: один народ. Братья. А кто тогда - враги? Австрийцы? Немцы? Или - мы сами? Он смотрел на полковника. На его лицо. На его руки. На то, как он говорит. И думал: он говорит - братья. А сам - стреляет. Какой он брат? Он не говорил этого вслух. Но чувствовал: что-то не так.

Полковник говорил ещё что-то. О долге. О чести. О чём-то, что было - важно. Для него - важно. Для них - нет. Для них было важно другое. Выжить. Дождаться. Вернуться.

Полковник закончил. Строй рассыпался. Люди пошли - кто куда. К кострам. К палаткам. К чему-то, что было - вокруг. Максим остался. Стоял. Смотрел вслед полковнику. На его спину. На его походку. На то, как он идёт.

Тарас подошёл. Встал рядом. Сказал:

- Ты чего?

Максим: - Ничего.

Тарас: - Ты - свой. Я знал.

Максим: - Я - украинец.

Тарас: - А это - не одно и то же?

Тарас ушёл. Максим остался. С винтовкой. С патронами. Он стоял и смотрел, как уходит Тарас. Как уходят другие. Как уходит всё. И думал: я - украинец. Он сказал - одно и то же. Но это - не одно и то же. Это - разное. Это - не одно.

Он сел на землю. Прямо. Не на что-то. Просто на землю. Холодную. Сырую. Чужую. Посмотрел на свои руки. На грязь. На кровь. И думал: я стрелял. Я попал. Я убил. Или не убил. Не знаю. Но я стрелял. И это - было легко. И это - страшно. И это - ничего. Пока - ничего.

Он смотрел на свои руки. На пальцы - чужие, тяжёлые, как будто налитые свинцом. На ладони - в грязи, в чём-то тёмном, что не оттиралось. На ногти - с обломанными краями, с чем-то, что забилось под них и не выходило. Он сжимал кулак. Разжимал. Сжимал снова. Пальцы слушались. Но не так. Не так, как раньше. Как будто между ним и рукой была какая-то преграда. Или - не преграда. Или - что-то ещё. Он не разбирал. Просто смотрел. И думал: это мои руки. Просто руки. Но они - не мои. Пока - не мои.

Рядом кто-то ходил. Кто-то говорил - коротко, негромко. Кто-то смеялся - тихо, невесело. Кто-то просто сидел, как он, - на земле, с пустыми руками, с чем-то в глазах. Максим не смотрел на них. Смотрел на свои руки. На кровь под ногтями - тёмную, засохшую. Он не знал, чья это кровь. Может, его. Может, чужая. Может, ничья. Он не знал. И не хотел знать.

Пока - не хотел.

Вечером он сидел у костра. С Тарасом. С другими. Костёр трещал. Огонь был живой - единственное живое, что было вокруг. Он двигался, дышал, тянулся вверх. Как будто хотел уйти. Как будто хотел быть - там. Где-то. Где - не здесь. Пока - не здесь. Угли тлели, серые, покрытые пеплом. Кто-то подбросил ветку - искры взлетели вверх и погасли, не долетев до неба. Небо было серое, низкое, без звёзд. Как будто затянутое. Как будто закрытое.

Тарас посмотрел на него. Потом сказал:

- Ты странный.

Максим: - Почему?

Тарас: - Не знаю. Не такой, как все. Молчишь. Смотришь. Как будто - не здесь.

Максим молчал. Не знал, что сказать. Тарас смотрел на него ещё немного. Потом сказал:

- Ты - свой. Я знал. С самого начала. Когда ты пришёл. Заблудился. Помнишь?

Максим: - Помню.

Тарас: - Я тогда подумал: странный. Не такой, как все. Но свой. Потому что не спрашивал. Не требовал. Просто был.

Он помолчал. Посмотрел в огонь. Потом сказал:

- А теперь - не знаю. Ты - здесь. Но как будто - не здесь. Как будто - где-то ещё. Где - не мы.

Максим молчал. Смотрел на огонь. На то, как он двигается. Как он живёт. И думал: он прав. Я - здесь. Но не здесь.

Я - где-то ещё. Где - подвал. Где - автомат. Где - Артём. Где - Костя. Где - всё. Пока - всё.

И это было - честно. И это было - страшно. Потому что если Тарас не знает - то кто знает? Если Тарас не понимает - то кто понимает? Если Тарас - как он - не знает, за что воюет, - то зачем? Зачем всё это? Зачем кровь? Зачем смерть? Зачем - всё?

Он достал из кармана кусок хлеба. Не тот, что дала женщина в платке, - тот он съел ещё в части, в первый день. Этот был другой - из общего котла, тёмный, жёсткий, с чем-то, что прилипло к корке. Он держал его в руке. Смотрел. На тёмную корку. На трещины. На что-то, что было в нём. И думал: это хлеб. Просто хлеб. Но он - оттуда. Из той жизни. Где был дом. Где была мать. Где было всё. Он откусил. Прожевал. Хлеб был чёрствый. Но - хлеб. Он доел. Встал. Пошёл к своему месту. К соломе. К стене. Лёг. Закрыл глаза. И уснул. Не провалился в темноту. Не отключился. Просто уснул. Как засыпают люди, которые целый день работали. Как засыпают все. Как засыпают - когда рядом кто-то есть.

Глава 7. Артём. Песня

Ночью у костра пели. Артём услышал песню, когда шёл от колодца - с ведром в руке, усталый, с пустой головой. Песня была тихая, протяжная, она шла откуда-то из темноты, от огня, и в ней было что-то, от чего он остановился.

Он поставил ведро на землю. Вода качнулась, плеснула

через край - холодная, на сапоги. Он не заметил. Прислушался.

Пели несколько голосов - негромко, не в лад, но вместе. Слова были чужие. Он не понимал ни слова. Но мелодия - мелодия была знакомая. Он пытался вспомнить. Где он её слышал? Может, в детстве. Может, дед пел. Может, мать. Может - что-то. Он не помнил. Но мелодия была - в нём. Пока - в нём.

Он пошёл на звук, осторожно, как будто боялся спугнуть. Ноги сами несли его - через темноту, мимо землянок, мимо чего-то, что было - вокруг. Он не смотрел по сторонам. Смотрел только на огонь - на то, как он дрожит вдали.

У костра сидели человек десять. Седой - тот самый, с усами, в шинели, которая знала лучшие дни. Молодой - безусый, с лицом, которое ещё не загрубело. Тот, с перевязанной рукой, - он сидел чуть в стороне, привалившись к бревну, и его лицо было наполовину в тени. И другие - те, кого Артём видел, но не знал. Молодой парень с длинной шеей. Мужик с бородой, который всё время молчал. Кто-то ещё - спиной, не разобрать.

Ой у лузі червона калина похилилася,
Чогось наша славна Україна зажурилася.
А ми тую червону калину підіймемо,
А ми нашу славну Україну, гей-гей, розвеселимо!
Не хилися, червона калино, - маєш білий цвіт,
Не журися, славна Україно, - маєш добрий рід!

А ми тую червону калину підіймемо,
А ми нашу славну Україну, гей-гей, розвеселимо!
Марширують наші добровольці у кривавий тан,
Визволяти братів-українців з московських кайдан.
А ми тую червону калину підіймемо,
А ми нашу славну Україну, гей-гей, розвеселимо!

Они пели. Смотрели в огонь. И лица у них были - другие. Не такие, как днём. Не усталые. Не настороженные. Спокойные. Как будто они были - дома. Как будто войны не было. Как будто - всё было хорошо.

Артём стоял в темноте, за кругом света, и слушал. Молчал. И думал: это - не чужая песня. Это - наша песня. Просто слова другие. А мелодия - одна. Как так?

Он не подошёл. Не спросил. Не сказал. Просто слушал. Просто молчал. Просто - был. Пока - был.

Песня кончилась. Потом молодой сказал что-то - тихо, негромко. Седой кивнул. Кто-то засмеялся. Кто-то подбросил в огонь ветку - искры взлетели вверх и погасли. И Артём вдруг почувствовал, что не может больше стоять в темноте. Что-то тянуло его - туда, к огню, к людям, к песне. Он сделал шаг. Потом ещё. Потом вышел на свет.

Его заметили. Седой поднял голову. Посмотрел. Молодой улыбнулся - криво, неуверенно, но улыбнулся. Тот, с перевязанной рукой, подвинулся - освободил место на бревне. Артём сел. Молча. Никто ничего не спросил. Никто не удивился. Как будто он всегда здесь сидел.

Молодой сказал что-то. Показал на огонь, на небо, на себя. Артём не понял. Молодой повторил - медленнее. Артём пожал плечами. Молодой засмеялся. И запел снова - тихо, один. Ту же песню. Или другую. Артём не знал. Но слушал. И через некоторое время понял, что подпевает. Не словами - он не знал слов. Мелодией. Тихо, почти беззвучно, только губами. Но - подпевает.

Седой посмотрел на него. Потом сказал что-то. Молодой кивнул. Тот, с перевязанной рукой, хмыкнул. И Артём понял: они заметили. Они - увидели.

Потом запели снова - все вместе. Ту же песню. Или другую. Артём не знал. Но мелодия была - та же. Знакомая. И думал: я не знаю слов. Не знаю языка. Не знаю, о чём они поют. Но я - с ними.

Песня кончилась. Молчали. Долго. Тяжело. Как будто слова кончились. Как будто всё, что было, - уже сказано. Пока - сказано.

Потом седой заговорил, негромко, глядя в огонь. Артём не понимал слов, но слушал. Слушал интонацию - ровную, спокойную, как будто седой рассказывал что-то давно известное. Молодой кивал. Тот, с перевязанной рукой, иногда вставлял слово. И Артём вдруг понял, что это - разговор. Не приказ. Не крик. Просто разговор. Как у него дома. Как у всех. Как всегда.

Седой говорил о чём-то - о доме, может. О том, что было. О том, что будет. Молодой слушал. Иногда улыбался. Ино-

гда хмурился. Тот, с перевязанной рукой, смотрел в огонь и молчал. И Артём смотрел в огонь. И молчал. И думал: они говорят о том же, о чём говорили бы мы. О доме. О жизни. О том, что было. О том, что будет. И я - здесь. С ними. И я не понимаю слов. Но я понимаю - что-то. Что-то важное. Что-то, что больше слов. Что-то, что нельзя назвать.

Артём достал из кармана пуговицу. Ту самую - медную, с насечкой. От Ивана. Он не знал, зачем достал. Просто хотел посмотреть. На металл. На насечку. На то, что было в его руке.

Молодой заметил. Посмотрел на пуговицу. Спросил что-то. Артём не понял. Молодой показал на неё пальцем - вопросительно. Артём сжал её в кулаке. Молодой кивнул. Как будто понял. И отвернулся.

Артём убрал пуговицу обратно в карман. Ближе к сердцу. И снова посмотрел на огонь. На то, как он двигается. Как он живёт.

Утром Артём проснулся от холода. Он лежал у костра, на земле, на подстеленной шинели - чьей-то, не своей. Рядом спали другие. Молодой - свернувшись калачиком, подложив кулак под щёку, и во сне у него дёргалось веко - тонко, быстро, как будто что-то снилось. Седой - на спине, с открытым ртом, с храпом, и в храпе его было что-то старческое, надрывное, как будто он задыхался. Тот, с перевязанной рукой, - на боку, лицом к огню, и повязка на руке потемнела, пропиталась чем-то. Огонь уже погас - только угли, серые, по-

крытые пеплом, и от них шло слабое тепло. Артём сел. Тело ныло - не от ран, а от земли, от холода, от всего. Он посмотрел на них. На спящих. На то, как они дышат. И подумал: я - здесь. С ними. И я не знаю, кто они. Не знаю, за что они воюют. Не знаю, что будет. Но я - здесь. И они - здесь.

Он встал. Пошёл к колодцу. Умылся. Вода была холодная. Он смотрел на своё отражение - на чужое лицо. На то, что было в нём. И думал: кто я? Русский? Украинец? Или - что-то другое?

Потом был день. Работа. Вёдра. Лопата. Земля. Он копал. Носил. Работал. Молча. Смотрел. И видел - то же, что и вчера. Люди. Лица. Руки. Молитвы. Кресты. Еда. Хлеб. Слова. Чужие. Но - понятные. Не по смыслу. По интонации. По чему-то, что было - глубже.

Вечером он снова пришёл к костру. Сел. Молча. Молодой дал ему хлеба. Седой подвинулся. Тот, с перевязанной рукой, сказал что-то - коротко, негромко. Артём не понял. Но кивнул.

Он сидел. И думал: я не знаю, что будет. Не знаю, вернусь ли. Не знаю, найду ли Максима. Не знаю - ничего. Но я - здесь. И я - живой. Пока - живой.

Молодой запел снова. Тихо. Ту же песню. Или другую. Артём не знал. Но слушал. И через некоторое время понял, что подпевает. Не словами - мелодией. Тихо, почти беззвучно. Но - подпевает.

Глава 8. Максим. Похороны

Утром их построили не для боя. Не для переклички. Не для речи полковника. Их построили, чтобы идти на кладбище.

Максим узнал об этом от Тараса - тот разбудил его затемно, потряс за плечо, сказал коротко: «Вставай. Хороним». И ушёл. Не объяснил. Не уточнил. Просто - «хороним». Как будто это всё объясняло. Как будто это было - достаточно.

Максим встал. Тело ныло после боя - не от ран, а от чего-то другого. От напряжения, которое не проходило. От чего-то, что осталось в мышцах, в костях, в голове. Он оделся. Молча. Винтовку не взял - не велели. Вышел.

На улице было серо. Не темно, не светло - серо. Как будто день не начался, а просто продолжился, такой же, как ночь, только без звёзд. Люди уже строились. Много. Больше, чем вчера. Может, рота. Может, две. Они стояли молча. Не курили. Не смеялись. Не ругались. Просто стояли. И ждали.

Максим встал в строй. Рядом - Тарас. Слева - тот, с усами, немолодой. Справа - пусто. Безусый, с веснушками, - тот, что был справа в бою, - не пришёл. Максим посмотрел на пустое место. Потом отвернулся. Не спросил. Не хотел знать. Пока - не хотел.

Пустое место было как дыра. Как что-то, что вынули и не заделали. Максим стоял и чувствовал его сбоку - рядом, близко. Он не смотрел туда. Но знал, что оно там. И что оно не заполнится.

Кладбище было за деревней. Небольшое. С крестами, покосившимися от времени. С травой, вытоптанной и примятой. С ямами - свежими, вырытыми утром. Их было много. Больше, чем Максим ожидал. Он не считал. Не хотел. Не - мог.

Гробы были простые - сколоченные из досок, некрашеные. Их ставили на землю, у ям, и они лежали там - длинные, тяжёлые, неподвижные. Как будто их тоже убили. Как будто они тоже - не живые. Пока - не живые.

Люди стояли вокруг. Молча. Без шапок. С лицами, которые уже не казались молодыми. С глазами, которые смотрели в землю. Или - в никуда. Как будто там, в никуда, было что-то. Что-то, что они видели. Что-то, что они знали.

Максим стоял в стороне. Не в первых рядах. Не в последних. Просто - в стороне. Думал: здесь лежат люди. Просто люди. Которые жили. И умерли. За что? За кого?

Ветер шевелил траву. Тихо. Едва слышно. Как будто дышал. От этого тихого движения становилось ещё тяжелее. Потому что трава жила. А они - нет.

Священник пришёл. Старый. С седой бородой. В облачении - тёмном, вытертом, с чем-то, что было - из другой жизни. Он стоял у ям и говорил. Медленно. Слова были - знакомые. Не те, что на украинском. Другие. Русские. Но - те же. Те же, что говорил священник у них в деревне. Те же, что говорил дед. Те же, что - всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.